

ДОСЛАВЯНСКИЕ И ДОРОМАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Если обратиться к классическому труду Антуана Мейе «Общеславянский язык» (A. Meillet. *Le Slave commun*, 2 éd. Paris, 1934), то в самом конце в качестве приложения там можно найти краткий раздел «*Le vocabulaire*» (стр. 492—517). В этом разделе Мейе рассматривает индоевропейский словарь (стр. 492—501), отношения славянского к балтийскому, индоиранскому и западноевропейским языкам, а также поздние заимствования (*emprunts au germanique; vocabulaire chrétien; emprunts postérieurs*, в трех главах, стр. 501—517).

При этом речь идет о словах, которые мигрирующие германцы (бастарны, позднее готы) оставили в наследство славянам, о словах из греко-романского христианского культового языка, о словах тюрского происхождения и о других более поздних заимствованиях. Из всей этой лексики дославянскими по происхождению являются, собственно говоря, только некоторые элементы тюрские либо происходящие из других туземных языков Азии, т. е. элементы, заимствованные славянами у коренного населения. Кроме того, несомненно, существуют дославянские элементы и более древнего периода, заимствованные славянами во время их миграции на юг и запад у местного туземного населения. Здесь мы должны разграничивать дославянские слова индоевропейского происхождения (дакского, фракийского, иллирийского, венетского, романского) и такие, которые славяне прямо или косвенно переняли у одного из доиндоевропейских народов. При этом нельзя упускать из виду, что некоторые из этих слов (индоевропейского или доиндоевропейского происхождения) могли распространяться и дальше внутри славянского мира, т. е., строго говоря, не везде, где они локализуются в настоящее время, они должны непременно указывать на один и тот же дославянский субстрат на той же территории. В своей книге «Общеславянский язык» Мейе не упоминает о таких источниках славянского лексического фонда. И все же, по-видимому, он первый безоговорочно признал дославянские и доиндоевропейские слова в славянском лексическом фонде (в связи с рецензией на славянский этимологический словарь Бернекера, см. «*Rocznik slawistyczny*» 2, стр. 69—70)¹. Кроме того, разные

¹ О дославянском субстрате ср. также: V. M a c h e k. *Quelques noms slaves de plantes.* — LP 2, 1950, стр. 145—161; K. T r e i m e r. *Ethnogenese*

исследователи занимались сопоставлением дославянских элементов в отдельных южнославянских языках. Особенно в словенском и сербохорватском языках многочисленны слова из романских языков (например, из древнефриульского и древнедалматинского), некогда бытовавших на территории нынешних словенского и сербохорватского. Я напомню исследования Г. Шухардта², К. Штремкеля³, М. Бартоли⁴, Ф. Штурма⁵, И. Келемини⁶, затем основополагающие труды П. Скока⁷, В. Вини⁸ и И. Поповича⁹ по сербохорватскому, а также Д. Шелудько по болгарскому¹⁰. В области топономастики широкое распространение дославянских элементов в связи с кельтским было доказано А. Шахматовым¹¹; Я. Розадовский¹², Ю. Покорный¹³, Г. Краэ¹⁴ и др. доказывали связь дославянских элементов с иллирийским и венетским. Об этом же свидетельствуют и унаследованные из древности дославянские названия, бытующие в настоящее время на территории южных

der Slawen. Wien, 1954 (в деталях здесь много сомнительного, как и в более поздних работах того же автора).

² H. Schuchardt. Slavo-deutsches und Slavo-italienisches. Graz, 1884.

³ K. Štrekkelj. Beiträge zur slawischen Fremdwörterkunde, I. — AfslPh 12, 1890, стр. 451—474; II. — Там же, 14, 1892, стр. 512—555; Он же. Zur slawischen Lehnwörterkunde. — Sitzungsberichte der Phil.-hist. Klasse, Akad. Wiss. Wien, 50, III, 1904, стр. 1—85.

⁴ M. Bartoli. Riflessi slavi di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche. — «Zbornik Jagić». Berlin, 1908, стр. 30—61.

⁵ F. Sturm. Refleksi romanski palataliziranih konsonantov v slovenskih izposojenkah — «Casopis za slovenski jezik» 6, 1927, стр. 54—85, 260; Он же. Romanska lenitacija medyokaličnih konsonantov i njen pomen za presojo romanskega elementa v sloveničini. — Там же, 7, 1928, стр. 21—46.

⁶ J. Klemina. Langobardski spomini pri slovencih. — «Slavistična Revija» 4, 1951, стр. 177—196; Он же. Tujke v slovenskih terenskih nazivih. — Там же, 8, 1955, стр. 85—89.

⁷ P. Skok. Zum Balkanlatein, I—IV. — ZRPh 46, 1926, стр. 385—410; 48, 1928, стр. 398—413; 50, 1930, стр. 486—532; 54, 1934, стр. 183—215, 424—494.

⁸ V. Vinka. Contributions dalmates au Romanisches etymologisches Wörterbuch de W. Meyer-Lübke. — RLIR 21, 1957, стр. 249—269. Он же. Nouvelles contributions au «Romanisches etymologisches Wörterbuch» de W. Meyer-Lübke. — «Studia romanica et anglica Zagabriensis» 7, 1959, стр. 17—34.

⁹ J. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 52—64, 585—595. Там же далее библиография.

¹⁰ D. Scheludko. Lateinische und romanische Elemente im Bulgarischen. — «Balkan-Archiv» 3, 1927, стр. 252—289.

¹¹ A. Schachmatov. Zu den ältesten slawisch-keltischen Beziehungen. — AfslPh 33, 1912, стр. 51—99.

¹² J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód slowiańskich.. Kraków, 1948.

¹³ J. Pokorný. Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938.

¹⁴ H. Krahe. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. Wiesbaden, 1957, и в других многочисленных трудах.

славян¹⁵. Многие из этих названий восходят, вероятно, к доиндоевропейскому субстрату¹⁶. Однако я не намерен останавливаться здесь на таких реликтовых названиях дославянской эпохи, мне хотелось бы ограничиться рассмотрением апеллятивной лексики дославянского или предположительно дославянского происхождения. Более древние слова дославянского (и дороманского) происхождения наиболее многочисленны, естественно, там, куда славяне впервые проникли в период раннего средневековья. На эти слова я указывал в своей диссертации «Vorindogermanische und jüngere Wortschichten in den romanischen Mundarten der Ostalpen, mit Berücksichtigung der ladinisch-bayrisch-slowenischen Lehnbeziehungen»¹⁷, причем уже тогда через дославянские соответствия я нашел параллели для словенских не только в сербохорватской Истрии, но также и в Чехии. Эти исследования подтверждены работами Ф. Безлай¹⁸, И. Шютца¹⁹, И. Поповича²⁰, В. Георгиеva²¹ и углублены моими собственными дальнейшими изысканиями.

Далее мне хотелось бы рассмотреть ряд дославянских элементов, которые можно отнести к дославянскому (а иногда и к доиндоевропейскому) субстрату на основании соответствующих лексических реликтов в романских языках. Поскольку ономастика доказывает тесную связь между дославянским и западноевропейским субстратом, то a priori очевидно, что на такую же связь натолкнется исследователь, занимающийся апеллятивным лексическим фондом. Однако это не относится к латыни и к возникшему на ее основе лексическому фонду романских языков, а также отдельных германских письменных языков, но касается известной только специалистам лексики романских диалектов, в которой могут сохраниться древние субстратные слова. На романской территории мы имеем самый большой по насыщенности материал для доказательств. Это позволяет нам с большой вероятностью квалифициро-

¹⁵ См. библиографию: I. P o r o v i c̄. Указ. соч., стр. 70—71, 77—79, 87—88, 101—102; сюда же различные статьи в журнале «Балканско езикознание».

¹⁶ Cp.: T. L e h r - S p ław i n s k i. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, стр. 86 сл.: I. P o r o v i c̄. Указ. соч., стр. 101.

¹⁷ ZRPh 66, 1950.

¹⁸ F. B e z l a j. Zanimivosti iz toponomastike. — «Pogovori o jeziku in slovstvu» (Predavanja na zborovanju slov. slavistov v Mariboru od 26.VI—1.VII 1954). Maribor, 1955; О н ж е. Predslovanski ostanki v slovenščini. — «Naša sodobnost» 8, 1958, стр. 673—693; О н ж е. [Рец. на кн.]: J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. — RS 21, 1960, стр. 147—160.

¹⁹ J. S c h ü t z. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

²⁰ I. P o r o v i c̄. Geschichte der serbokroatischen Sprache, Abschnitt II, Vorslawische Substrate, стр. 48—103.

²¹ V. G e o r g i e v. Problema substratului balcanic in lexicul limbii bulgare. — «Omagiu I. Iordan». Bucureşti, 1958, стр. 325—331.

вать принадлежность слова к субстрату. Если романско-славянское соответствие оказывается достаточно убедительным, то здесь легко установить, является ли романское слово автохтонным или славянским по происхождению (последнее случается реже), или славянское слово автохтонно, т. е. восходит к одному из местных языковых слоев неславянского происхождения, находящихся в тесной связи с соседним романским или одним из дороманских языков, бытовавших некогда на данной территории. Таковы лингвогеографические и историко-этнографические аргументы, которыми подтверждаются приводимые лексические соответствия и их интерпретация. Чем более отдаленным и изолированным оказывается привлекаемый сопоставительный материал, чем меньше сходства в представленных параллелях, тем менее оправданным будет сопоставление. Особенно это касается тех случаев, когда отдельные слова, предварительно основательно не изученные в рамках своего ближайшего окружения, сопоставляются с соседствующим языковым материалом; когда необычные звуковые формы оставляются без объяснения (без указаний на параллельные фонетические процессы), а сильно расходящиеся значения в рамках сравниваемых групп слов не считаются предметом для дискуссии. Например, многие приводимые К. Траймером славяно-кавказские сопоставления ни в коей мере не убедительны, так как ядро славянской территории не граничит с Кавказом и К. Траймер не предъявляет к хорошей этимологии те же требования, что и я. Также мало обоснованными кажутся мне дославянские этимологии В. Поляка.

Этимологически темные, изолированные слова, конечно, могут быть дославянского происхождения. Однако в этих случаях едва ли можно это безоговорочно утверждать. Отсутствие соответствий в других индоевропейских языках не обязательно доказывает, что во всех случаях речь идет о дославянских субстратных словах. Хотя романские языки продолжают латынь, тем не менее многие латинские слова сохранились не более как в одном единственном романском языке или только в одном из немногочисленных романских диалектов; точно так же не следует ожидать, что лексический фонд, унаследованный от индоевропейского периода, продолжает жить во всех индоевропейских языках или, по крайней мере, в большинстве из них. Очень вероятно, что изолированные славянские слова могут быть индоевропейскими по происхождению. Так, например, сохранившееся только в сардинском *opus* 'ноша, груз' также не является субстратным словом, а генетически восходит к лат. *opus*.

Гнезда слов, распространившиеся дальше в славянских языках. В первую очередь здесь хотелось бы назвать ст.-слав. *tyku* 'тыква', русск., укр. *tykva*, болг. *tikva* и т. д. К. Бругман и И. Левенталь связывали с ним лит. *tìkti* 'жиреть (о животных, находящихся на откорме)', таким образом отрывая от него

квазигреч. σίκυον ‘огурец’, которое, очевидно, можно объяснить из *twi-kiwon ‘очень толстый’. Ни одно из этих двух толкований не убедительно. Прежде чем сравнивать это слово с фонетически созвучным глагольным корнем (в значении, которым, в конце концов, можно толковать любое понятие, ассоциируемое с представлением о тучности), нужно предварительно соопоставить славянское слово в конкретном значении ‘тыква’ (а также ‘род тыквы, предназначенный для изготовления сосуда’, *Lagenaria vulgaris*, то же в укр., с.-хорв.) с синонимичным или семантически родственным и созвучным греческим словом. Можно привлечь к обсуждению еще другие слова, связанные с обозначением тыквы, из области западного средиземноморья.

Например, засвидетельствованы греч. σίκυα (ион. -ύη) ‘особый род тыквы для изготовления сосуда’, также *Citrullus colocynthis*, наряду с этим σίκυος (м. р.) *Cucumber sativus* и σίκυς, у Гесихия, также σεκούα, σικύα;

ит. *zucca* ‘тыква’ (*Cucurbita* репо), свойственное местным говорам в Верхней и Средней Италии вплоть до Лациума, а также на Корсике как топоним *Zuccaia* (Ареццо 1028 г.);

лангедок. *tûco* ‘courge’, ‘gourde, citrouille’, авейр. ‘calebasse, gourde; courge; bouteille plate’, каталон. (Тортоса и Валенсия) *tuca* ‘cucurbitàcia de l'espècie Bryonica dioica’.

Греческие слова могут быть результатом диссимиляции из *σικο- (Шпехт) и восходить к древнему *tjuku-. Ит. *zucca* происходит из дороманского *tjukka. Ланг. *tûco* и т. п., должно быть, основаны на дороманской исходной форме *tükka. В отношении начального звука они ближе к ст.-слав. *tyky*, чем к греч. σικύα и ит. *zucca*; не случайно уже Г. Шухардт сравнивал лангедок. *tuco* со ст.-слав. *tyky*. Мейер-Любке хотел вывести отсюда галльск. *tükka ‘тыква’. Отсутствие соответствий в островных кельтских языках, ограниченное распространение *tükka на относительно небольшой территории в Южной Франции и Каталонии, так же как и географическая ограниченность ит. *zucca*, только начальным звуком отличающегося от *tükka, — все это противоречит утверждению, будто дороман. *tükka является галльским по происхождению. Все это скорее указывает на то, что мы должны исходить из средиземноморского, доиндоевропейского *t'ükki-, *t'ükka, начальный звук которого (палатальное t') чередовался с t или у славян и у галлов, независимо друг от друга, был приравнен индоевропейскому t, в то время как в греческом и дороманских языках Италии t' выступало как tj. Следовательно, нельзя говорить об индоевропейском слове для обозначения тыквы (точнее, тыквы для изготовления сосуда), которая культивировалась в Европе, может быть, уже в эпоху палеолита. Скорее всего, *t'ükki-, *t'ükka может быть генетически восточносредиземноморским словом, ко-

торое попало в связи с распространением этой культуры к предкам славян с территории Балкан и, с другой стороны, в дороманский период — на территории западного Средиземноморья²². Предположение о том, что ст.-слав. *tyky* было по происхождению местным словом у южных славян, В. М. Иллич-Свитыч сделал вероятным исходя из других оснований²³. Он, наоборот, отклоняет связь с греч. σίκυς и т. п., а также с ит. *zucca* и лангедок. *tûco* без достаточных для этого оснований²⁴; он отдает предпочтение родству спольск. *tyka* ‘палка, тычина’ и его семейством. Тыквы, согласно Иллич-Свитычу, «садят чаще всего у плетней или же рядом с ними втыкают палки, чтобы плоды висели и были правильной формы». Но параллельные обозначения плода по палке, используемой для выращивания соответствующего растения, отсутствуют. С другой стороны, я должен отклонить также и толкование Л. А. Гиндина, согласно которому ст.-слав. *tyky* вместе с греч. σίκυς ‘огурец’ и ион. σῆκον ‘инжир’, беот. τῦχον и т. п. были заимствованы из пеласг.-фрак. *θῆκū- (θ — интердентальный глухой спирант), восходящего к и.-е. *k'ēkū-, однокоренному с и.-е. *k'eu- ‘отекать, набухать’²⁵. Этому противоречат не принятые во внимание Гиндиным западно-средиземноморские соответствия, которые едва ли могут быть пеласгско-фракийского происхождения.

В связи с этимологией ст.-слав. *tyky* можно напомнить об одном южнославянско-албанско-румынском гнезде слов, которое, на основании показаний западногерманских соответствий, может, пожалуй, принадлежать к тому же самому гнезду слов, служащих для обозначения рассматриваемой культуры:

с.-хорв., болг. *čika* ‘горная вершина, возвышенность, холм’, словен. *čukla* ‘крутой берег, обрыв’, алб. *çukë* ‘cima di un colle’, рум. *ciuc de munte, ciucă*, греч.-алб. *çukur* ‘вершина’, территориально примыкающее к словен. *čukla*, истр. *zuko* ‘cima di collina’, фриул. *zúc* ‘collina tondeggiante’, ломб. *tsük* ‘monticello’,ср.-лат. (в Лигурии) *cuchum*, ст.-прованс. *suc* ‘sommel de la tête’, в и.-прованс. диалектах (Зап. Альпы до Лимузена) тоже ‘cime d'une montagne, sommet’; ит. *zucca* ‘capo (dell' uomo)’

²² J. H u b s c h m i d . — В кн.: W. v. W a r t b u r g , Bd 13, Tl. 2, стр. 308—310. Там же литература.

²³ «Этимологические исследования по русскому языку», I. М., 1960, стр. 23—24.

²⁴ Там же, стр. 24—25. То, что ит. *zucca* возникло не из лат. *cucutia* (как полагает Мейер-Любке), а, скорее всего, родственно праформе греч. σίκυς и т. п., уже увидел Г. Алессио (*Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*, ser. II, vol. 13. Roma, 1946, стр. 11—18; *Lingua nostra*, 25, 1964, стр. 78; StEtR 34, стр. 448).

²⁵ «Этимологические исследования по русскому языку», II. М., 1962, стр. 82—89; *«Helikon, Rivista di tradizione e cultura classica dell' Università di Messina»*, 4, 1964, стр. 309—310.

(начиная с Данте), пьемон. *sūka* ‘*testa*’, трент. *zuca*, ст.-прованс. *suca* ‘*tête*’, н.-прованс. (особенно Аveyron, Лангедок) *suco* ‘*sommet de la tête*'; кроме того, уменьшительная форма сп.-лат. *zuculo* ‘горная вершина’ (Истрия, 1135 г.), фриул. *zúcul*, *zúcule*, трент. *zúcal* ‘*picco roccioso non molto grande*'; в Лигурии (с дороманским суффиксом) *Mónte Zúccaro* (*Zucaro* уже в 966 г.).

Все эти слова указывают на древнее начальное **tj-* (как греч. *σικύα*, ит. *zucca* ‘тыква’). Переносное употребление слова ‘тыква’ для обозначения тыквоподобной головы или возвышенной местности относится уже к доисторическому периоду. Можно привести параллели для обоих вариантов переноса: нем. *kürbis* в шутку употребляют в значении ‘голова’, кроме того, широко известно перенесение этого названия на формы местности в немецком и других языках. Таким же образом дороманский вариант **tūkka* ‘тыква’ употребляется также для обозначения головы и возвышения на местности: лангедок. (департ. Эро) *tōka* ‘*tête dure*’, беарн. *tuque* то же, ‘*crâne*’, авейр. *tuco* ‘*mamelon, petit tertre rond*’, (Ажан) ‘*pic crête d'une montagne*’, беарн. ‘*hauteur, montagne*’ с формой муж. рода (Верхние Пиренеи) *tuc* ‘*sommet de montagnes*’, в каталонских говорах на Пиренеях *tuc* ‘горная вершина’ и т. д. Таким образом, уже в дославянский период на Балканах, примыкая на севере к греч. *σικύα* < **tjūki-a* ‘тыква для сосуда’, существовал тип **tjūkka*, который сохранился в албанском только в переносном значении (**‘голова’*) > ‘холм, горная вершина’, а в качестве субстратных слов — в румынском, южнославянских^{25a}, затем на территории географически примыкающих Истрии и Верхней Италии (единично) и снова, опять-таки по соседству, — в новопровансальских говорах, где этот тип встречается частично (в пограничных областях) рядом с типом **tūkka*, сохранившимся здесь также в аналогичных переносных значениях. Поразительно, что как южнослав. *čika*, так и ст.-прованс. *suka* (и родственные ему слова) сохраняются только в переносных значениях, в то время как в расположенной между названными языками итальянской языковой области представлены рядом друг с другом все значения ('тыква', 'голова' и 'горная вершина'). У южных славян можно встретить **tjūkka* в переносном значении вместе с ранее заимствованным слав. **tūkū* > *tyky*, которое сохраняет свое первоначальное значение. На юге Франции старое название тыквы, используемой для изготовления сосудов, было вытеснено более поздними словами; **tūkka* в первоначальном значении сохранилось очень ограниченно, **tjūkka* в исходном значении вообще не сохранилось. И для этого явления мы имеем

^{25a} В заимствованных словах дослав. *й*, подобно рум. *й* и греч. *οῦ*, передавалось через слав. *и* (а не через *ъ*).

многочисленные параллели; я напомню только историю лат. *testa* 'горшок' > н.-фр. *tête* 'голова' или историю доф. *mourre* 'museau; montagne dont le sommet ressemble à un museau', при баск. *murru* 'monticule, colline' (только в переносном значении).

Поскольку нельзя без достаточных оснований отделять друг от друга фонетически сходные слова, идентичные или сходные по смыслу, особенно если зоны их распространения территориально примыкают друг к другу, недопустимо названные выше славянские слова — с.-хорв., болг. *čika* (и родственные им в других балканских языках) — рассматривать в отрыве от географически смежных с ними романских соответствий, точно так же, как нельзя для с.-хорв., болг. *čika* устанавливать индоевропейскую этимологию (**keu-k* > **kjuk-*,ср. лит. *kaukarà* 'холм') или, основываясь на рум. *cisă* и алб. *çikë*, предполагать здесь дакское субстратное слово (с подробной индоевропейской этимологией). Данные итальянского языка и его диалектов позволяют точно доказать, что соответствующие слова первоначально должны были обозначать тыкву, используемую для изготовления сосудов. Поскольку очень вероятно, что это гнездо слов, на основании фонетических и лингвогеографических данных, является доиндоевропейским по происхождению, но попытки объяснить с.-хорв., болг. *čika* из индоевропейского прямо или косвенно (через дославянско-индоевропейский субстрат) менее оправданы, чем толкование их из дославянского и доиндоевропейского балканского субстрата²⁶. О том, что такой доиндоевропейский субстрат должен был существовать на Балканах с иррадиацией вплоть до древних славянских поселений, свидетельствуют следующие соответствия, едва лиг индоевропейского происхождения:

др.-русск. *mogyla* 'могила', укр. *могила* 'земляной холм, могила', польск. *mogila*, болг. *могъла* 'холм', из **magūla*;

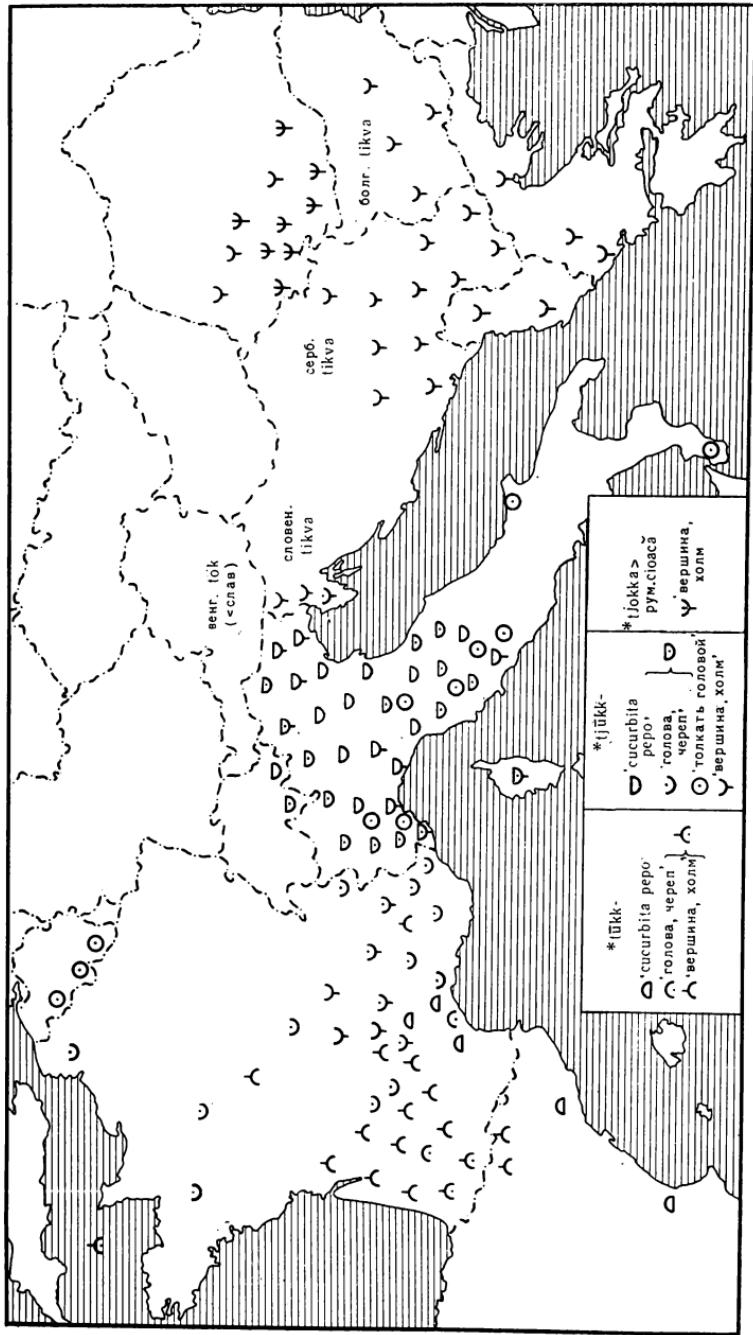
рум. (трансильв., аромун.) *măgură* 'холм', впрочем, большей частью с ударением на первом слоге — *măgură*, вероятно по аналогии с латинскими словами на *-ūla* (> рум. *ură*)²⁷, из восточнороманского **magūla*, это слово, вероятно, было заимствовано в древности у славян;

алб. *mágulë* 'холм', после изменения лат. *-l* > алб. *-ll-* (ср. лат. *skāla* > алб. *shkallë*) заимствованное у славян²⁸ или, возможно, из более позднего романского слоя, судя по ударению

²⁶ J. H u b s c h m i d. В кн.: W. v. W a r t b u r g, Bd 13, Tl. 2, стр. 308—310.

²⁷ Древнее ударное *a* не дало бы рум. *ă*.

²⁸ Cp.: St. W e d k i e w i c z. — RS 7, 1915, стр. 126, а также замечания: N. J o k l. — IJb 5, стр. 113; 14, 1930, стр. 134; 15, 1931, стр. 201; и, наконец: E. P e t r o v i c i. — «Revue roumaine de linguistique», 11, 1966, стр. 319—320.

на первом слоге соответственно рум. *măgura*; отсюда также и.-греч. *μαγόδα* 'холм'²⁹.

Славянские слова — явно доиндоевропейские по происхождению. В пользу этого предположения говорит следующее:

— отсутствие подходящего по значению индоевропейского корня **mag-*;

— наличие на западнороманской территории различных субстратных слов, родственных **magūla*: тоск. *mágolo* 'porca più larga dell'ordinaria', гаск. *mololo* то же; исп. *majano* 'montoncillo de piedras que se pone en el campo para dividir las here-dades o señalar los caminos'; порт. *malhão* (< **magulanu*) и т. д.; генуэз. *magà* 'acervo di sassi'; беарн. *magarní* 'pourvoir, combler'.

Эти и другие относящиеся сюда слова, как и лангедок. *maghêlo* 'colline, montagne rapide et escarpée' (< **maguella*), являются, очевидно, доиндоевропейскими по происхождению ввиду своего распространения (Тосקנה, Гасконь, Пиренейский полуостров, Лигурия) и по своей структуре (**magua* с производным **maguella*; беарн. *magarní*). Их значения ('гребень борозды', 'груда камней', 'нагромождать', 'холм') очень хорошо подходят к значению соответствующих славянских, румынских и албанских слов. (О связи этих слов с сард. *mógoro* 'холм', которое также является субстратным словом, а также с соизвучными кавказскими словами, не может быть и речи)³⁰.

К словам предположительно дославянского происхождения А. Мейе относил ст.-слав. *baranъ* 'баран'³¹. Связанные с ним слова обозначают отчасти барана или овцу или могут употребляться как подзывные слова для овец. За пределами славянских языков они засвидетельствованы албанским *berr* 'овца, баран' с соответствиями, широко распространенными в романских диалектах от Румынии и Калабрии до Валлонии, от верхней Италии (*ber*) вплоть до страны басков и Португалии. Латинские соответствия отсутствуют; в островных кельтских языках также ничего не представлено. Вероятнее всего, что романские слова являются дороманскими и доиндоевропейскими.

Очевидно, все это гнездо слов принесено в Центральную и Западную Европу с Востока с распространением овцеводства в доисторическую эпоху. В пользу этого говорят родственные слова в неиндоевропейских языках, например дагест. (андийск.)

²⁹ G. M e y e r. Neugriechische Studien, 2. Wien, 1894, стр. 68; G. W e i g a n d. — «Balkan-Archiv», 4, 1928, стр. 19.

³⁰ J. H u b s c h m i d. — «Revue internationale d'Onomastique», 5, 1953, стр. 261—267; EncHisp 1, стр. 59—60; VRom 18, 1959, стр. 1—5.

³¹ A. M e i l l e t. — RS 2, стр. 69—70.

bura 'барамек'; думаки *beda* 'овца' (-*d*-<-*r*-) и вост.-турк. (кашгар.) *pru pru pru* 'подынное слово для овец'³².

О. Н. Трубачев, напротив, отделяет ст.-слав. *baranъ* от алб. *berr* и т. п. Ст.-слав. *baranъ*, по его мнению, тюркского происхождения ('идущий', от тюрк. *bar* 'идти'), а алб. *berr* (с романскими соответствиями) объясняется из лат. *vervex* (отсюда же франц. *brebis*)³³. Что касается первого предположения, бросается в глаза, что само слово *baran* ни в одном тюркском языке не зафиксировано как туземный пастушеский термин. Ведь суффикс *-anъ* все-таки славянский (ср. с.-хорв. *-an* для образования уменьшительно-ласкательной формы, *-ān* образует производные от названий животных и людей)^{33a}: Алб. *berr* и т. д. ни в коем случае не может быть основано на лат. *vervex*. Встречающиеся на славянской почве слова клича для овец (укр. *bir*, русск. *bar*) являются, несомненно, исконными.

Несколько других дославянских слов не являются общеславянскими, но зафиксированы также и за пределами Балкан. К ним принадлежат словен. *brina* 'ель, красная ель; хвойный лес', *brin* 'можжевельник', первоначально собирательное *brinje* то же, истро-чак. 'ягоды можжевельника', *brančin* то же; морав.-силез. *břim* *Larix decidua*, польск. (юго-западнее Кракова) *bržin*, *bržim*, *brzim*; чеш. *břinka* *Juniperus sabina* (*brzyenka* уже в 1161 г.)³⁴.

Непосредственно примыкает к словен. *brina* фриул. *bréne* 'il fogliama degli alberi resinosi', в населенном пункте Клаут (около 70 км от языковой зоны) *bréna* *Pinus miquis*. Эти слова не могли быть заимствованы из словенского уже по фонетическим признакам. Кроме того, еще далее на запад следуют (в кантоне Тессин) *bríkul* 'куст можжевельника', *brénkuro* *Pinus miquis* и дальнейшие диалектные примеры: в долине Аосты *brenva* 'лиственница' (как и морав.-силез. *břim*) и т. д.

Эти романские слова, которые существуют в трех отдаленных друг от друга отластиах верхней Италии, могут быть только дороманского происхождения. Таким образом, все свидетельствует о том, что словенские соответствия, примыкающие к фриульской зоне, по всей вероятности, являются дославян-

³² См.: J. H u b s c h m i d. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. — VRom 14, 1954, стр. 194—196.

³³ «Происхождение названий домашних животных в славянских языках». М., 1960.

^{33a} A. L e s k i e n. Grammatik der Serbokroatischen Sprache. Heidelberg, 1914, стр. 273; W. V o n d r á k. Vergleichende slawische Grammatik, 2. Aufl., Bd 1. Göttingen, 1924, стр. 546.

³⁴ K. N i t s c h. — «Lud Słowiański» II, 1931, стр. 212 и карты на стр. 204; M. Małecki i K. N i t s c h. Atlas językowy polskiego Podkarpacia, I. Kraków, 1934, карта 311; C. V e r d i a n i. Botanica e linguistica per l'etnogenesi dei protoslavi. Firenze, 1959, стр. 77.

скими по происхождению и объясняются тем же самым субстратом, как и приведенные романские формы. Этого же мнения, которое я высказал уже в 1950 г., придерживается Ф. Безлай³⁵. Однако соответствующий субстратный язык, должно быть, простирался вплоть до юго-западного края современной польской языковой области. Из-за разнообразия суффиксов, часто трудно объяснимых (словен. *brancúr*; тессин. *brinkul*; аост. *brenva*), признание того или иного слова доиндоевропейским по происхождению кажется неизбежным. Объяснение из индоевропейского языкового наследия (формой, связанной чередованием гласных со слав. *borъ* 'ель') не подходит к романским формам. Здесь, так же как и в других случаях, соображения об учете романских соответствий заставляют считать предложенную ранее славянскую этимологию очень сомнительной.

Словен. (Резия) *krīpa* 'скала, каменная глыба' находит в других славянских только одно соответствие — в чеш. *křípa* 'камень' (в двух словарях XIV в., а также современное диалектное в значении 'скала, утес'), если не принимать во внимание словен. *krèp* 'крутая скала', которое заимствовано позднее из фриул. *crep* 'скала' (в топонимах; как appellativ — в значении 'черенок, обломок') < дороман. **krippo-*. Сюда же относятся ц.-ладин. *krepa* 'вершина скалы' и родственные слова, которые распространяются на юге до сев. Апулии, а на западе вплоть до зап. Алльп и местами до самой Гасконии: ит. *greppo* 'каменная стена между террасовыми полями, скала, скалистый холм', а также 'полевая гряды, гребень борозды' (также марк. *grepp*;ср. ит. *mágolo* в сходном значении); в кантоне Валлис *krəpo* 'rocher', беарн. *crép* 'grès, rochers de l'espèce du grès'. Очевидно, к тому же гнезду относятся албанские слова: мирдит. *krep-i* 'склон' и тоск. *shkrep* 'precipizio, rupe; pietra focaia', так же как и с.-хорв. (Бока Котороска) *škrip* 'greben', словен. *škripa* (Безлай)³⁶. В то время как итальянские исследователи видят здесь доиндоевропейское языковое наследие, я вместе с Н. Иоклем предпочитаю привлечь для сопоставления лексическое гнездо, связанное с лит. *kerpi* 'режу, стригу' и норв. *skarv* 'обнаженная скала'³⁷. Если эта последняя точка зрения правильна (а против нее не выдвигалось никаких убедительных аргументов), тогда в словен. *krīpa* и чеш. *křípa* можно видеть

³⁵ F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I. Ljubljana, 1956, стр. 87—88, со ссылкой на: J. Hubschmid. — ZRPh 66, 1950, стр. 17—19. Ср. также: V. Machek. — LP 2, 1950, стр. 155 и J. Hubschmid. Mediterrane Substrate. Bern, 1960, стр. 61.

³⁶ J. Hubschmid. — ZRPh 66, 1950, стр. 44—45; Ов же. Rugenäenwörter. Salamanca, 1954, стр. 28; F. Bezlaj. — RS 21, 1960, стр. 155; E. Čabej. — ZBalk 2, 1963—1964, стр. 11.

³⁷ N. Jokl. — VRom 8, 1945—1946, 199—200; так же — M. Camaj. Albanische Wortbildung. Wiesbaden, 1966, стр. 44.

дославянские элементы иллирийского или венетского происхождения.

Значительно более многочисленными и более легко устанавливаемыми являются дославянские слова, которые засвидетельствованы исключительно в южнославянских языках или в некоторых из них.

Прежде всего здесь следует назвать макед., болг. *karpa* 'утес, скала', родство которого с алб. *karpë* 'скала' давно известно. Сюда же, по всей вероятности, относятся как субстратные слова предположительно др.-рум. *scárpa* 'скала', дако-рум. (*Răsinariu*) 'склон дороги', с.-хорв. *škrâpa* 'трещина в карстовой горной породе', с.-хорв. (диал.) *škrápa* 'мелкие камни', а также, по всей вероятности, салент. *kárparu* 'род туфа'³⁸ и, возможно, также название Карпат, дак. *Кáртоi*, греч. Καρπάτης ὄρος. Нежелательно, однако, отрывать эту семью слов от типа **krippo-* во фриул. *krep*. Названия мест, народов и личные имена созвучным началом слова встречаются по всей территории Средиземноморья. Так как мы не знаем исходного значения, по-видимому, было бы рискованно предполагать, что алб. *karpë* является по происхождению доиндоевропейским³⁹. По-видимому, дославянским является также словен. *kár* 'скала' с неясными вариантами *kér*, *kír* наряду с *cer* (все они муж. рода), *cer* и *car* (оба жен. рода), словен. *cerèn* 'скалистое место'⁴⁰. Пожалуй, здесь скорее нужно исходить из доиндоевр. **karr-* 'камень'⁴¹, нежели из и.-е. **(s)qer-* 'резать'. Неясность звуковых отношений не дает, однако, возможности прийти к определенному решению.

Далее в этой связи можно упомянуть отнесенное П. Скоком к иллирийскому далмат. *carsum* 'каменистая область' (Задар, 1279 г.), откуда — с метатезой плавных — истро-чак. *krâsa* 'terra lapidosa', словен. *krâs* 'твердая почва'⁴². В романской Истрии живет еще полуапеллятив в топонимах *in Carso* (с 1125 г.), *el carso de Parenzan* (1567 г.)⁴³. Предположение Скока о род-

³⁸ ZRPh 77, стр. 431—432.

³⁹ За индоевропейское происхождение высказываются: N. Jokl. Studien zur albanischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911, стр. 34—35; Он же. — VRom 8, 1945—1946, стр. 199; Он же. — «Die Sprache» 9, 1963, стр. 129; M. Camaj. Albanische Wortbildung, стр. 44; за доиндоевропейское: J. Pокорнү. — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 66, 1936, стр. 79, итальянские учёные, а также: V. Polák — ZBalk 1, 1962, стр. 88. Относительно диалектного материала ср.: IJb 19, 1935, стр. 140, 156; ZONF 4, 1928, стр. 208; ZRPh 54, стр. 465; J. Schütz. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁰ F. Bezlaj. — RS 21, 1960, стр. 154.

⁴¹ J. Hubeschmid. Mediterrane Substrate, стр. 36.

⁴² P. Skok. — ZRPh 54, стр. 461; G. Alessio. — «Ce fastu?» 13, стр. 1.

⁴³ «Codex Dialectorum Istricum», I; «Atti e Memorie della Società istriana» 2, стр. 145.

стве этого гнезда слов с нем. *harsch* 'замерзший слой снега', др.-болг. *krasta* 'чесотка' (и.-е. **sker-* 'коробиться, сморщиваться') едва ли убедительно. Дж. Алессио напоминает поэтому также о доиндоевр. **karr-*⁴⁴.

Словен. *mul* 'безрогий' с различными производными граничит созвучной формой романско-баварской языковой зоны, фриул. *mul* 'безрогая коза', ц.-ладин. *mul*, *mül*, зульцберг. (в зап. Трентино) *müll* 'безрогая корова'; карант. *mulle* 'безрогая коза' и т. д. Позднее заимствование в словенский язык слова, очень скучно засвидетельствованного во фриульском, мало вероятно, а предположение о том, что в романско-немецких диалектах это слово является заимствованием из словенского, — практически исключается. Следующее соответствие представлено в зап.-астур. *mulo* 'mocho, sin cuernos'. Романские слова могут быть только дороманского происхождения. Как свидетельствуют баварские формы типа *mulle* (донемецкого происхождения), рассматриваемая форма должна исходить из одной дороманской основной формы **mullo-*, которая, очевидно, была распространена на востоке вплоть до территории современной Словении. Таким образом, лит. *mūlas* 'безрогий' и лтш. *mūls* то же, вместе со словен. *mul*, едва ли свидетельствуют о существовании первоначальной балто-славянской семьи слов, но, скорее всего, — о существовании древней балто-венетской изоглоссы⁴⁵.

В словенском языке есть еще целый ряд слов, которые внутри славянской среды кажутся изолированными и которые находят соответствия во фриульском; фриульские слова часто имеют дороманское происхождение. Необходимо всякий раз проверять, имеем ли мы дело с поздними культурными заимствованиями в словенский, которые, собственно, не являются дославянскими, или скорее речь идет об общих для фриульского и словенского субстратных словах.

Так соотносятся, например, словен. (Койско) *brēncelj* 'корзина для ношения на спине сена, зелени' и (горицкое, Средний Карст) *žbrinca* то же, ср.-лат. *brincia* (Collalto, 1589 г.), фриул. *sbrinzie*, истр. *sbrizia*, беллун. *brēnvia*, которое хотелось бы связать с трент. *brenz* 'колодезное корыто из досок'⁴⁶; однако неясно, почему во фриул. *sbrinzie* сохраняется *i* во втором слоге.

Затем нельзя отделять словен. (Коборид) *želj* 'корзина' от фриул. *zèj* то же⁴⁷. Я неоднократно высказывал мысль о том, что западносредиземноморский субстрат имел связи с досла-

⁴⁴ G. Alessio. — «Ce fastu?», 13, стр. 1.

⁴⁵ J. H u b s c h m i d. — ZRPh 66, 1950, стр. 40—42; EnsHisp 1, стр. 133.

⁴⁶ J. H u b s c h m i d. — ZRPh 66, 1950, стр. 37.

⁴⁷ K. Š t r e k e l j. — AfslPh 12, 1889—1890, стр. 474.

вянским субстратом. В сербохорватском мы находим несколько слов, явно неславянского происхождения, которые, вне всяких сомнений, связаны с западно-средиземноморским субстратом и имеют связи с баскским. Сюда относятся:

штокав. *màroka* 'большой камень', Прчань *marđka*⁴⁸, соотносимое с истр. *Marbōco*, место в (каменистом) *Carso di Salvore*, трент. *marđc* 'sasso, roccia', лангедок. *marrđc* 'bloc de pierre', баск. *marra* 'пограничный камень, граница' и т. п.⁴⁹ Н.-греч. *μαρόχο* 'большой неотесанный камень' (на ионийских островах и в южном Пелопоннесе) было заимствовано, по мнению Кагана, из венецианского (где, между прочим, это слово больше не за- свидетельствовано)⁵⁰. Заимствование могло идти также из Далмации;

с.-хорв. (на далматинском побережье) *màginja* 'диная земляника', (о. Црес) *magünja* 'плод земляничного дерева' и т. д. неотделимы от дороман. **magiusta* 'земляника' > фриул. *majōstre*, др.-ломб. *magiostra*, ст.-прованс. *maiossa*, **magiotta* > исп. *mayueta* и баск. *maguri* 'земляника', где снова отчетливо выступает корень **mag-*⁵¹;

с.-хорв. (Далмация, Черногория) *tīmor* 'скала, каменная глыба; скалистые горы, цепь скал' явно заключает в себе до-славянский корень **tim-*, который, присоединяя суффикс -*ra-*, предстает в виде широко распространенного **timpa*: рум. *tîmpă* 'крутой и скалистый склон', калабр. *timpa* 'крутая скала, пропасть', (о. Майорка) *tîmba* 'каменная глыба, скала' и т. п. В баскском языке соответствий нет⁵².

О том, что между балканским и западно-средиземноморским языковыми субстратами действительно существовали доисторические связи, свидетельствует еще одна новая албанско-пиренейская лексическая параллель: (Мати) *kaçorri* 'маленький заяц'⁵³ — катал. *cataçar* 'молодой кролик', алент. *cachapo*, исп. *gazapo*, порт. *caçapo*⁵⁴.

⁴⁸ M. Rešetar. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907, стр. 250; A. Maver. — ARom 6 стр., 250.

⁴⁹ J. Hubschmid. Sardische Studien. Bern, 1953, стр. 52—57; Он же. Mediterrane Substrate, стр. 30; Он же. Thesaurus Praeromanicus 2. Bern, 1965, стр. 101.

⁵⁰ Cahane. Italienische Ortsnamen in Griechenland. Athen, 1940, стр. 146.

⁵¹ J. Hubschmid. Mediterrane Substrate, стр. 27; Он же. Thesaurus Praeromanicus 2, стр. 59—60; Он же. В кн.: W. v. Wartburg 6, стр. 19—22.

⁵² J. Hubschmid. Mediterrane Substrate, стр. 51—53.

⁵³ Отмечено Б. Беци только в курдари (B. Beçi. Hulumtime gjuhësore në Mat. — «Buletin i Universitetit shtetëror të Tiranës», seria shkencat shoqerore 17/3, 1963, стр. 262).

⁵⁴ J. Hubschmid. Thesaurus Praeromanicus, 1. Bern, 1963, стр. 16. Абуцц. *cacciune* 'cucciolo', которое я там приводил, скорее является родственным ит. *cucciolo*, так как в абуццких диалектах предударные *o* и *u* могли давать *a*.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что при решении славянских лексических проблем, особенно если это касается южнославянских слов, кажущихся изолированными, иногда очень важно принимать во внимание дороманский лексический фонд. При этом, однако, нельзя, как это нередко делают, опираться только на созвучия, а необходимо основательно исследовать как романские, так и славянские слова и тщательно взвесить различные возможности их толкования. Лингвогеографический метод исследования позволяет во многих случаях более надежно осветить историю слов. Несмотря на это многие вопросы остаются нерешенными и о многом мы не можем утверждать с уверенностью. Не достает еще многих необходимых разработок, особенно этимологических словарей отдельных славянских языков, где был бы учтен и диалектный лексический фонд, как, например, во французском этимологическом словаре В. Вартбурга. И все же есть основания полагать, что некоторые составители этимологических словарей, находящихся в процессе подготовки, непременно учтут результаты исследований в области романской этимологии.

Перевела с немецкого

M. B. Ляпон